

ГЛАВА V.

ПСИХОЛОГИЯ — ОСОБЫЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, С ОСОБЫМИ ЗАКОНАМИ И ИСТОРИЕЙ.

Главу III мы закончили положением: «психика—особая социальная категория, нетождественная, отличная от идеологии».

Всплывает новый вопрос, в чем конкретно состоит общественная роль и значение этой социальной категории. Ответу на этот вопрос мы и посвятим настоящую главу.

1. Мы видели уже в предыдущих главах, что психика—это отражение общественного бытия, но эта общая характеристика подлежит расшифровке.

а) В отличие от идеологии, психика является, как мы видели, непосредственным отражением общественного бытия.

Будучи вся в целом, в сравнении с идеологиями, непосредственным отражением бытия, психика в свою очередь делится на две качественно различные части: в одной части она является непосредственным отражением от экономики, а в другой части непосредственным отражением от социально-политической надстройки. А так как социально-политическая надстройка определяется экономикой, то последняя часть обладает двумя качествами, а именно, являясь непосредственным отражением социально-политической надстройки, она представляет собой в то же время и опосредствованное, через социально-политическую надстройку, отражение экономического базиса.

Таким образом марксизм различает в отношении отдельных частей психики две качественно-различные формы отражения: 1) непосредственное (или от социально-экономического базиса или от социально-политической надстройки) и 2) опосредствованное от социально-экономического базиса через социально-политическую надстройку.

б) Психика является диалектическим отражением бытия.

Возражая Массарику, Плеханов заявляет, что «Энгельс признавал субъективную диалектику не только *unter der Hand*, а совершенно прямо и открыто»¹.

Психика диалектична, во-первых, потому, что она отражает собой,

¹ Т. XI, стр. 374.

является субъективной стороной диалектически развивающегося объективного общественного бытия (и природы, как увидим ниже), во-вторых, потому, что она сама представляет собой одно из явлений диалектически развивающегося общественного бытия (и природы, как мы увидим ниже).

Эта диалектичность психики имеет большое значение, ибо только в силу своей диалектичности психика может выполнить одну из своих важных ролей, а именно предварять действительность, как мы это указали в главе первой. Отражая какой-либо исторический акт (или явление природы) в его развитии, подмечая тенденцию этого развития, она может предвидеть ход событий, указать на будущий, вытекающий из данного процесса новый исторический факт (или новое явление природы) до его появления. Отсюда в частности порядок трех стадий социальной пролетарской революции, а именно: первая стадия—революция в умах рабочего класса, превращающая его из класса в себе в класс для себя, революция, выражающаяся в организации рабочего класса и его авангарда—коммунистической партии—для борьбы за власть, вторая стадия—революция политическая, захват пролетариатом власти, и третья стадия—революция экономическая, перестройка общества на новых социалистических началах.

в) Психика—экономное отражение бытия. «В области мысли, как в общественно-экономической, применим известный экономический принцип,—говорит Плеханов,—т. е. стремление с помощью минимума средств достигнуть максимального эффекта». Это «интенсивное хозяйство в области мысли», эту «конденсацию мысли» человеческий мозг справляет при помощи обобщающей мысли¹. Пусть в своей высшей форме, пусть только в одной своей части—обобщающей мысли, но психика своей перерабатывающей функцией, своей внутри субъективной переработкой, своей обобщающей работой дает нам экономное отражение бытия, но не в смысле отрицания последнего, как это имеет место у махистов и иже с ними, а только в смысле экономности отражений. Интересно в этом отношении утверждение Бехтерева, что ощущения играют роль арифметических значков, а субъективная сторона словесных реакций—роль алгебраических значков. Считая субъективное только знаком, символом, т. е. чем-то внешним для отражения бытия, а не органически связанными с ним, Бехтерев повторяет ошибку Плеханова, также назвавшего психику, субъективное «нероглифами», знаком, ошибкой, от которой Плеханов впоследствии, под влиянием критики Ленина, отказался, поняв неправильность такой терминологии. Но как бы там ни было, сравнение с арифметикой и алгеброй указывает на роль субъективных переживаний, в смысле систематизации и объединения приводящих к экономизации отражений от бытия.

г) Как многокачественное отражение общественного бытия, психика является его следствием. Однако психика является не только следствием,

¹ Т. XVIII, стр. 325.

но и причиной. Психика является, во-первых, причиной, базой, «почвой» для вырастающей в ней, из нее и над ней надстройкой—идеологии. Во-вторых, что с диалектической точки зрения еще важнее, психика является причиной своей собственной общественной причины, т. е. общественного бытия, поскольку она обратно воздействует на него. Умственное развитие, говорит Плеханов, основывается на экономическом, но затем в свою очередь влияет на него¹. Ту же мысль высказывает и Ленин: «Фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних «живых личностей» на ход вещей было ничтожно. Совсем напротив»². Обратное воздействие психики на общественное бытие имеет два свойства, два качества, а именно, оно является 1) воздействием психики, как таковой, самой по себе, и 2) воздействием идеологии, поскольку последняя действует как органическая часть психики.

2) Встает вопрос о том, как представить себе действительность психики, как общественного фактора, в чем состоит эта действительность. Энгельс заявляет, что «даже за еду и питье мы принимаемся только тогда, когда в голове нашей получается ощущение голода и жажды, и перестаем есть и пить только тогда, когда в голове нашей получается соответствующее ощущение»³. Другими словами, мы действуем лишь постольку, поскольку у нас получается субъективное отражение испытываемых нами воздействий бытия. В полном согласии с Энгельсом Плеханов утверждает, что никто не «сомневается в том, что воля и чувства являются непосредственной пружиной исторического процесса». «Для общественной науки,—добавляет он,—весь вопрос был в том только, приводится ли непосредственная пружина—воля и чувства людей—в движение сама собой, или же эта непосредственная пружина должна быть опосредствована какой-нибудь причиной»⁴. Действуем мы в силу объективных причин, но прежде чем мы действуем под их влиянием, они должны преломиться в нашей голове, отразиться в ней, в форме наших субъективных переживаний, и лишь в этой последней форме субъективной стороны нашего бытия мы воспринимаем объективные причины и, восприняв, начинаем действовать. Наши ощущения, наши переживания представляют собой объективно явление вторичное, производное от общественного бытия, но для нас, субъективно они являются непосредственной причиной наших действий. Психика является производным, но воздействующим обратно на общественное бытие «фактором» общественной жизни в силу того, что для нас, субъективно она является непосредственной причиной наших действий.

Интересно в этом отношении сравнить взгляды марксизма с современной рефлексологией. Так, И. П. Павлов пишет, что он «не склонен отрицать что-либо из глубочайших стремлений человеческого духа», что эти состояния «есть, конечно, для нас первостепенная действитель-

¹ Т. XI, стр. 313.

² Ленин, т. II, стр. 63.

³ Энгельс, Людвиг Фейербах, изд. «Красная новь», 1923 г., стр. 49.

⁴ Т. XVI, стр. 37.

ность», что они «направляют нашу ежедневную жизнь, обуславливают прогресс человеческого общежития»¹. Павлов здесь допускает ошибку, а именно он оценивает «идеалистически», как и Челпанов, роль и значение психики, субъективных переживаний, поскольку он говорит только об их направляющей и определяющей роли, не упоминая о том, что для выполнения этой роли они сами должны раньше определяться, опосредствоваться, направляться бытием. Но нам важно не это, а то, что даже глава физиологического направления в рефлексологии признает колоссальную общественную роль и значение психики, субъективных переживаний. Очевидно потому, что они являются непосредственной для нас причиной наших действий. Еще интереснее в этом отношении утверждение представителя биосоциального направления в рефлексологии—Бехтерева, интересней тем, что оно выявляет очень сходно с марксизмом, в чем состоит общественная действительность психики. «Так как эффекты качественного различия в наших ощущениях,—пишет он,—представляются необычайно резкими, то ими сравнительно легко во внутреннем мире определяются количественные различия во влиянии на организм внешних раздражений». Психика выполняет свою общественную роль непосредственной причины наших действий благодаря тому, что, переживаясь нами субъективно, непосредственно, оно является для нас субъективно мерой изменений в объективном бытии, и, как таковая, регулятором наших действий.

Характер действительности каждого явления определяется характером самого явления, его качественной характеристикой. Психика выполняет свою действительную роль субъективно, для нас, непосредственной причиной наших действий, в силу ее качественной своеобразности, а именно внутренней переживаемости. Качественная своеобразность психики, как внутренних субъективных переживаний, является также качественной своеобразностью действительности.

3. Признавая действительность психики, марксизм подходит к ней дифференцированно. Эта дифференциация идет по двум основным линиям: 1) по линии различной относительной роли психики в зависимости от того, к какому строю, какому классу она относится и 2) по линии различной относительной роли разных психических переживаний. Роль психики может быть положительной или отрицательной в зависимости от того, способствует ли она или препятствует общественному развитию, с каким строем она увязана, какому классу она присуща. Мы видели выше, что для объяснения вопроса, почему «разрушительное действие новых отношений миновало именно этот обряд или обычай, устранив другие, надо,—по мнению Плеханова,—обратиться к общественной психологии»². При ломке общественного бытия, когда из старого строя рождается новый, общественная психология, отражающая старый строй, оказывается фактором консервативным, тормозящим развитие, сохраняющим переживания, соответствовавшие старым, уже отжив-

¹ Павлов, Двадцатилетний опыт, изд. 2-е, стр. 100.

² Т. VIII, стр. 266.

шим социальным отношениям, при новых общественных отношениях.

Но если психика в этом случае оказывается фактором отрицательным, то в других случаях она представляет собой фактор положительный, революционный. Так, в предыдущей главе мы видели, что идея, проникши в сознание, т. е. ставши органической частью нашей психики, может выполнять революционную роль «бациллы» и «динамита». Такую же революционную, прогрессивную роль играют, по мнению Плеханова, воля, которая является, как он выражается, «необходимым рычагом для перестройки грубых форм исторического существования»¹, а также страсть, которая, «удесятеряя нравственные силы и изощряя умственные способности деятелей, сама является великой прогрессивной силой»².

Таким образом психика является фактором общественной жизни, который может действовать как в направлении сохранения отражений старого отжившего строя, играя роль отрицательную, консервативную, так и в направлении осознания нового грядущего строя, играя роль положительную, революционную.

4. Положительная или отрицательная роль психики в зависимости от того, идет ли речь об отражении отжившего старого строя или нового прогрессивного строя, неразрывно связана с классами, составляющими данное общество, определяется ее принадлежностью тому или другому классу. Разные классы играют разную роль в процессе развития, поэтому и психика их тоже играет различную общественную роль. Психика разных классов общественно неравноценна. «Действия низшего класса,—говорит Плеханов,—тем более соответствуют общему благу, чем более растет его классовое сознание. О высших классах этого сказать нельзя. Чем лучше сознают они свой классовый интерес, тем более их действия противоречат интересам целого, тем эгоистичнее они становятся»³. Психика эксплуатируемых рабочих прогрессивна, ибо она социальна, коллективна и помогает им в борьбе за новые прогрессивные общественные отношения. Психика же буржуазии, обреченной историей на гибель, реакционна, ибо она эгоистична и помогает ей удерживать противоречащий общественному прогрессу строй.

Приведем несколько примеров для вскрытия различной общественной ценности психики, положительной у эксплуатируемых революционных классов и отрицательной у господствующих консервативных классов.

а) «Солидарность—великое дело,—заявляет Плеханов,—но не солидарность эксплуатируемых с эксплуататорами. Работник, чувствующий себя солидарным с предпринимателем, еще не человек, а живая вещь, говорящий инструмент»⁴. Роль и значение солидарности, следо-

¹ Т. X, стр. 173.

² Т. VII, стр. 292.

³ Т. XVIII, стр. 27.

⁴ Т. III, стр. 408.

вательно, не абсолютны, а исторически относительны и определяются, по законам исторической диалектики, интересами, точкой зрения определенного класса. Чувство солидарности у рабочих в отношении буржуазии полезно для последней, но вредно для самого пролетариата. Когда солидарность рабочего класса направлена на угнетающий господствующий буржуазный класс, то она играет роль отрицательную для рабочего класса, а следовательно, и для прогрессивного развития человеческого общества. Только тогда, когда она направлена к членам своего класса, к угнетенным классам, она становится силой революционной, прогрессивной.

б) Очень резко отзываясь об индивидуализме буржуазии, Плеханов считает односторонней и ошибочной мысль о том, что индивидуализм в деревне характеризуется одними только мрачными чертами, ибо, говорит он, «вторжение индивидуализма в русскую деревню пробуждало к жизни такие стороны крестьянского ума и характера, развитие которых было невозможно при старых порядках и в то же время было необходимо для дальнейшего поступательного движения народа»¹. И индивидуализм не имеет абсолютного значения. Его общественная роль меняется в зависимости от социально-классовой обстановки, от условий исторической диалектики. Этот историко-диалектический подход Плеханова к индивидуализму очень ярко проявляется также в его взглядах на взаимоотношение личности и общества. Он не соглашается с Белинским, что поэт не может и не должен петь для себя и про себя. «Для кого же станет он петь там, где его никто не слушает и где его песням предпочитают водевильные куплеты?»²—спрашивает Плеханов.

Лучше стать индивидуалистом, замкнувшись на время в себя, чем опуститься в окружающую развратную, пустую жизнь. Индивидуализм вреден тогда, когда он направляется против прогрессивных интересов общества, и полезен тогда, когда он представляет собой ответ на реакционную социальную среду.

Итак, не метафизическая, абсолютная для всех времен и классов оценка роли и значения определенных типов психических переживаний, а диалектически-конкретная для данной эпохи, для данного класса, для данного социально-классового бытия.

5. Диалектически относительной является также роль и значение различных форм психических переживаний. Плеханов считает сомнительным утверждение Чернышевского, что Лукреция, оскверненная Секстом Тарквинием, закололась по расчету.

«Для такого, сознательного расчета необходимо хладнокровие, а хладнокровной она,—по мнению Плеханова,—быть не могла». Поэтому вернее предположить, пишет Плеханов, «что в ее поступке рассудок играл гораздо меньшую роль, чем чувство, сложившееся под влиянием тогдашних общественных привычек и от-

ношений»¹. Под чувством, как это видно по всему контексту, Плеханов понимает здесь эмоционально-окрашенное сознание, в отличие от хладнокровного рассудочного размышления. Лукреция безусловно переживала случившееся с ней совершенно сознательно. В ней несомненно боролись различные мысли, но победило, т. е. оказалось более сильным, более действенным не хладнокровная рассудочность, а эмоционально-окрашенное сознание, привитое ей онтогенетически общественным воспитанием, окружающей общественной средой и совершающееся помощью привычных, ставших как бы органическими, механизмов.

Если в данном случае действовало отрицательно-окрашенное эмоциональное сознание, то в другом месте, говоря о нравственных поступках Лопухова и Кирсанова, Плеханов утверждает, что, несмотря на то, что их поступки «нарушали их личные интересы», Кирсанов и Лопухов действовали даже «без внутренней борьбы», только на основе «инстинктивного чувства любви», т. е. положительно-окрашенного эмоционального сознания². Таким образом эмоциональное (положительно или отрицательно окрашенное) эмпирическое сознание сильнее хладнокровного логически рассудочного сознания.

Но так обстоит дело не всегда, не при всяких общественных условиях. И действительно, если выше мы видели, что эмоционально окрашенное эмпирическое сознание имеет при определенных условиях большую действенную силу, чем хладнокровная рассудочность, если в других местах Плеханов утверждает, что «ум нередко умолкает, когда говорит сердце»³, т. е. эмоция, чувство, что «все люди следуют правилу: как приятно, так и поступаешь»⁴, то Плеханов показывает и другие случаи, когда приоритет принадлежит хладнокровному рассудку. Так, он заявляет, что «ненависть к привилегированным сословиям (т. е. эмоционально окрашенное сознание.—Ю. Ф.) еще ровно ничего не показывает, ибо она не сопровождается часто ни одним лучом политического сознания»⁵ (т. е. хладнокровного, логически-рассудочного самосознания), что научный социализм действеннее утопического социализма, потому что «человек, прошедший эту школу (т. е. научного социализма.—Ю. Ф.), становится революционером по логике, а не только по чувству» (т. е. не только по эмоционально окрашенному эмпирическому сознанию.—Ю. Ф.)⁶.

В этом аспекте интересно утверждение Плеханова, что бессознательное движение рабочего класса обречено на многие и жестокие ошибки и не может иметь ту силу, которую обнаруживает движение пролетариата, совершающееся при полном свете сознания⁷.

¹ Т. V, стр. 40.

² Там же, стр. 223.

³ Т. XVII, стр. 307.

⁴ Т. V, стр. 220.

Т. II, стр. 78.

Т. IV, стр. 264.

— Т. XVI, стр. 218.

¹ Т. X, стр. 92.

² Там же, стр. 293.

Бессознательное рабочее движение, о котором здесь идет речь,— это такое движение, которое базируется на практическом инстинкте, на эмпирическом сознании, а сознательное движение—это движение, освещаемое систематизированными, логически-рассудочно увязанными вокруг руководящего принципа идеями. Следовательно, теория, т. е. система идей логически-рассудочно увязанных вокруг верной руководящей идеи, имеет несравненно большее значение, доставляет больший успех, дает возможность больше влиять, воздействовать, чем эмпирическое сознание в смысле социально-бессознательного. Отсюда-то и вытекает та огромная роль, которую марксизм приписывает свободе, в смысле сознательной необходимости.

Таким образом качественно-различные психические переживания не имеют постоянной, абсолютной действительной силы.

Их действительность диалектически-относительна и меняется в зависимости от условий общественного бытия.

6. Диалектическая относительность общественной действительности эмоционально окрашенного эмпирического сознания и хладнокровного рассудочного сознания, их прогрессивная или консервативная роль увязывается с их различной изменчивостью и стойкостью. «В чувствах больше консерватизма, чем в идеях»¹, говорит Плеханов. Эмоционально окрашенное сознание консервативнее, менее изменчиво, более стойко, чем идея, т. е. хладнокровно-рассудочное сознание.

Однако и этот последний момент также не абсолютен, ибо он также определяется общественным бытием. Так, Плеханов характеризует противников Бебеля в сравнении с самим Бебелем следующим образом: «Они (противники.—Ю. Ф.) подчинились изменчивым настроениям, а он (Бебель.—Ю. Ф.) следовал неизменным принципам»². Как мы видим, картина здесь диаметрально-противоположная предыдущей, ибо здесь более изменчивы чувства, эмоции, настроения, рассудочность же более устойчива, менее изменчива.

7. Но если, по законам исторической диалектики, общественная роль и значение, действительная сила различных видов психических переживаний диалектически меняется в зависимости от общественного бытия, то напрашивается логический вывод о том, что действительная сила психики будет максимальной при совместном действии всех переживаний в одном направлении. Если идеалом в отношении психики является цельная человеческая личность, то надо добавить, что таким идеалом является личность, в которой все переживания направлены, быют в одну точку.

8. Мы видим, что психика в целом и отдельные формы переживаний в частности имеют огромную диалектически-относительную положительную или отрицательную роль и значение в зависимости от условий общественного бытия, что психика является таким образом особым фактором общественной жизни. Отсюда вполне логически вытекает вывод о том, что человеческая психика имеет свои особые законы.

¹ Т. XVII, стр. 343.

² Т. XVI, стр. 256.

«Что в развитии человеческой мысли есть свои особые законы, это, насколько нам известно, не отрицает ни один из экономических материалистов»¹, пишет Плеханов. Такие особые законы присущи не только мыслительной функции, не только умственной деятельности, но и всей психике, ибо в другом месте Плеханов говорит о законах не только идей, мыслей, но и о законах «верований и чувств»².

Само собой разумеется, что эти психические законы играют большую роль в общественной жизни. Рассмотрим роль и значение отдельных законов. Начнем с закона ассоциации. Как мы видели в предыдущей главе, ассоциации возникают, изменяются и разрушаются под влиянием возникновения, изменения и разрушения комбинаций в общественном бытии. Но поскольку эти общественные комбинации должны отразиться и отражаются в человеческой голове, постольку выступает на сцену и роль той ассоциации, которая происходит между ощущениями, восприятиями и мыслями внутри нас.

Играя подчиненную роль в отношении общественного бытия, этот закон производного порядка имеет, во-первых, очень важное значение для выяснения идеологии, что мы видели уже выше на целом ряде примеров.

Определяемые общественным бытием ассоциации—вот психологическая механика, помощью которой создаются или разрушаются те или другие общественные обычаи, поэтому надо знать, надо изучать эту психологическую механику ассоциации, ибо, по мнению Плеханова, как мы уже отметили это в главе IV, при отсутствии этих психологических знаний и данных мы не сумеем полностью объяснить обычаи.

Закон ассоциации имеет, во-вторых, большое значение тем, что ассоциация не есть простая увязка непосредственно воспринимаемого факта, а сложный внутриспсихический перерабатывающий процесс, переходящий от одной увязки к другой, создающий на фоне одной комбинации целый ряд других новых комбинаций, образующих таким образом целую лестницу базирующихся друг на друге и связанных между собою увязок, комбинаций, а все это превращает перевод в переработку и делает общественную роль и значение ассоциаций еще большей и важной.

Закон ассоциации, в-третьих, очень важен потому, что ассоциации могут образовывать как правильные, так и неправильные отражения. Эти неправильно отражающие ассоциации, называемые Плехановым психологической аберрацией³, еще более подчеркивают роль закона ассоциации. Приведем пример такой общественно-отрицательной аберрации.

Астраханские казаки, восставшие при Петре I в 1705 г., начинают бесконечный список обид, нанесенных им их воеводой, словами: «Междуусобие учинилось за брадобритие и немецкое платье».

«Как это вышло,—спрашивает Плеханов,—что действительные,

¹ Т. VII, стр. 218.

² Там же, стр. 219.

³ История русской общественной мысли, кн. II, стр. 170.

и поистине достаточные причины астраханского бунта перепутались в изложении (и, вероятно, также в воображении) его руководителем частью со смешными небылицами, а частью с такими фактами, которые сами по себе не могли повредить жителям, например, с брадобритием и с немецким платьем». И Плеханов видит причину этого странного явления в законе ассоциации, в том, что в умах простых людей представления о социальных тягостях сочетались через религию с немецкими обычаями¹.

Наконец, закон ассоциации имеет еще одно значение, выполняет еще одну функцию, а именно он создает наше субъективное единство, единство нашего Я. Ассоциация увязывает отдельные переживания наши в единое целое, создает диалектически новое качество—единое человеческое Я. Таким образом ассоциация имеет двойное значение—общественное, как отражение находящихся вне головы общественных комбинаций—и «чисто психологическое», «субъективное» для нас, как средство объединения всех наших переживаний в единое целое, как средство выработки единства нашего Я, подчеркиваем, как средство, ибо причиной единства нашего Я является единство отражающегося в нашем Я объективного бытия.

Теперь перейдем к закону подражания. Мы уже видели, что Плеханов соглашается с Бартом в том, что подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев, но в отличие от Барта, Плеханов вносит существенный, принципиальной важности корректив, который дает в итоге установку, диаметрально-противоположную установке Тарда. Корректив этот сводится к выяснению относительности общественной роли и значения подражания.

Подражание возможно в двух видах: 1) в пределах одного и того же класса и 2) между классами. Если первый вид подражания помогает сплачиванию членов одного и того же класса в один коллектив, выполняя этим большую задачу, с точки зрения этого класса, то совсем иначе обстоит дело со вторым видом,—с подражанием угнетенного, эксплуатируемого класса классу господствующему, угнетающему. «Подражание низшего класса высшему есть верный признак того, что низший класс еще не созрел для борьбы за свою эмансипацию»², пишет Плеханов. Подражание буржуазии со стороны рабочего класса происходит тогда, когда он еще представляет собой класс в себе, а не класс для себя.

Отсутствие самосознания у рабочего класса имеет таким образом оборотной стороной подражание рабочим классом буржуазии. Здесь подражание идет на пользу последней и во вред первому, как мы это видим на примере английского пролетариата, английских горняков. Почему они не поняли необходимости превращения стачки экономической в борьбу политическую? Это произошло потому, что большинство английских горняков, как и большинство ан-

глийского пролетариата, не освободились еще от влияния буржуазных иллюзий о демократичности государства, они пока идут еще за реформистскими вождами, этими проводниками буржуазного влияния среди английских рабочих. Английские горняки «подражают» господствующим классам в своих взглядах на государство. Это-то «подражательное» сознание и мешает английскому пролетариату подняться на высшую ступень классового сознания, классовой борьбы. Подражание идеологии господствующих классов—вот механика классовой отсталости, бытия, класса в себе, вредная для пролетариата, но полезная для буржуазии.

Таким образом психический закон подражания не имеет абсолютной общественной ценности. Его роль и значение меняются в зависимости от того, в пределах какого класса он действует и с точки зрения какого класса он оценивается. Конечно, подражательное состояние сознания английского пролетариата является следствием экономических причин, развития английского капитализма и империализма. Однако роль и значение экономической причины не уничтожает роли и значения затемненности сознания у английских рабочих, осуществляемой через подражание.

Действительно на наших глазах происходят сдвиги в экономике английского империалистического государства, сдвиги революционизирующие английский пролетариат, сдвиги приведшие революционный отряд горняков к единоборству с английской буржуазией вопреки предательству реформистских «вождей». Но тут-то и обнаруживается реакционная роль затемненного «подражательного сознания», тут-то и бросается в глаза отсутствие соответствующей, высшей, чисто пролетарской, классово-сознательной ступени сознания. Тут-то и выступает на сцену та колоссальной важности и трудности задача, которая выпала на плечи английской коммунистической партии, задача по внесению классового самосознания в английский пролетариат. В чем же состоит эта задача? Она состоит в освобождении, очищении умов английского пролетариата от подражательной идеологии буржуазии и во внесении взамен ее другой идеологии, тоже помощью подражания, но подражания уже не буржуазии, а революционному пролетариату, победоносному рабочему классу СССР. Конечно, эта задача не может быть достигнута только помощью просветительных, психико-идеологических средств, точнее не одними только этими средствами, но, и главным образом, посредством организации английских рабочих для борьбы и в борьбе. Однако не надо упускать двух моментов, а именно: 1) сама организация для борьбы затрудняется наличием подражанием буржуазии и облегчается при его отсутствии и 2) когда в процессе борьбы английские рабочие получают новый опыт, когда в их головах получают новые отражения, т. е. разрушаются старые подражательные ассоциации и создаются новые ассоциации, то эти происходящие в их голове процессы по ломке и строительству ассоциаций подражания протекают с большей или меньшей легкостью или трудностью, каковое обстоятельство также имеет очень большое общественное значение.

¹ История русской общественной мысли, кн. II, стр. 165—170.

² Т. XI, стр. 113.

Говоря о роли и значении законов подражания, надо указать на очень важный и интересный момент, а именно: как Плеханов вскрывает социально-классовую механику, лежащую в основе психологической механики подражания одного класса другому. Плеханов сделал это в связи с анализом, как он выражается, гениального рассуждения Руссо из области «социальной психологии», «диалектики общественных понятий и нравов», а именно: рассуждения о большом обществе, состоящем из малых обществ, т. е. из различных социальных групп. Плеханов приводит цитату из Руссо о том, что в подобном обществе «господа положения могут быть альтруистичными в пределах своего малого общества, но непременно покажут себя эгоистами по отношению к народу, а сам народ может явиться нарушителем своих собственных интересов, для чего ему достаточно по ошибке принять частный интерес данного малого общества за общий интерес большого, т. е. за свой собственный».

Приведя эту цитату, Плеханов пишет: «Это тонкое замечание Руссо проливает свет на психологию низших классов, находящихся под влиянием высших. Пока низший класс не освободится от такого влияния, его воля будет, как и всегда, направлена на общее благо, а его действия, внушаемые интересами «господ положения», будут направляться на защиту этих интересов, т. е. идти в разрез с общим благом, которое есть его собственное. Это противоречие может быть устранено только развитием сознания низшего класса. Убедившись в том, что «господа положения» заинтересованы в нарушении общего блага, низший класс перестанет поддерживать их, т. е. нарушать свои собственные интересы»¹. Классовая бессознательность рабочего класса состоит в том, что он смешивает интересы господствующих классов с интересами всего общества, что он не замечает себя, как особую, составляющую большинство, классовую группу в обществе. Это смешение интересов есть психологическая причина подражательной стадии «класса в себе», а различие их—психологическая причина «класса для себя».

Но если подражание низших классов высшим имеет противоположное значение для каждого из этих классов, то ясно, что в интересах угнетенного класса, в интересах его классовой борьбы нужна какая-то другая психическая механика, какой-то другой закон, кроме закона подражания. Тут-то мы и подходим к историко-диалектической роли и значению закона антитеза.

Исходя из данных Дарвина о роли антитеза в жизни животных, Плеханов высказывает убеждение в том, «что весьма значительная часть обычаев обязана своим происхождением действию начала антитеза». Сравнив походку богатых и бедных негритянок Сенегамбии, Плеханов замечает, что «сама по себе походка богатых негритянок не имеет ни малейшего смысла и приобретает значение лишь в силу

¹ Т. XVIII, стр. 26—27.

противоположности с походкой обремененных работой (и стало быть, бедных) женщин»¹.

Так обстояло дело не только у диких народов. Закон антитеза действует и у культурных народов, как мы это видели на примере с английским дворянством.

Само собой разумеется, что, признавая колоссальную роль психических законов, нельзя ее идеалистически переоценивать, нельзя видеть в психических законах силу первичную.

«Ни один из материалистов, пишет Плеханов, не находил возможным искать в «экономических» законах мышления последней причины, основного двигателя умственного развития человечества»².

Хотя Плеханов говорит здесь только о законах мышления, но все сказанное нами выше о его взглядах на психику дает нам право и возможность отнести это его утверждение также и к психике.

«Ум человека,—пишет Плеханов,—раз он поставлен в известное положение, раз дает ему окружающая среда известные впечатления, то он сочетает их по известным общим законам (причем и здесь результаты до крайности разнообразятся получаемыми впечатлениями). Но эти психологические законы не разрешают вопроса о том, «что же ставит ум в такое положение?» «чем обуславливается приток и характер новых впечатлений». «Они не объясняют обстоятельств, обуславливающих движение мысли», «идеи, чувства и верования сочетаются по своим особым законам, но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами»³.

Если идеи и чувства человека являются результатом «форм быта», то не социология должна опираться на психологию, а наоборот, психология, по крайней мере общественная психология, имеющая дело с идеями и чувствами людей, составляющих данное общество, должна апеллировать к социологии»⁴. Поскольку психологические законы приводятся в действие общественным бытием, постольку они являются только вторичными, производными и постольку нельзя идеалистически преувеличить их роль и видеть в них нечто первичное.

Но подобно тому, как нельзя идеалистически преувеличивать роли и значения психических законов, нельзя также и недооценивать их, механистически их отождествляя с законами общественного бытия, ибо, как мы видели, Плеханов считает, что внешние обстоятельства, приводящие в действие законы ума, не имеют с этими последними ничего общего.

Законы общественного бытия и законы психические качественно различны, нетождественны. Первые относятся ко вне головы существующему бытию, деятельности, поведению, а вторые—протекают в голове

¹ Т. XIV, стр. 16—17.

² Т. VII, стр. 218.

³ Там же, стр. 219.

⁴ Т. IX, стр. 57.

и относятся к внутренним субъективным переживаниям. Первые являются основными, а вторые производными законами, но и эти производные законы играют большую, хотя и второстепенную роль.

Здесь можно встретить следующее возражение: пусть психические законы не тождественны с законами бытия, но ведь они действуют лишь постольку, поскольку их определяет, направляет общественное бытие, следовательно, эти законы ничего в общественной жизни не объясняют, наоборот, они сами нуждаются в объяснении, а потому—вся эта психическая механика не важна для понимания и объяснения общественной жизни. Мнение это может как будто опереться на самого Плеханова.

«Дикий пейзаж,—пишет он,—нравится нам по контрасту с надоевшим нам городским видом. Городские виды и подстриженные сады нравились людям XVII в. по контрасту с дикими местностями». Но ведь «в психологии людей XVII в. начало антитеза играло такую же роль, как и в психологии наших современников. Почему же наши эстетические вкусы противоположны вкусам людей XVII в.»¹

Ясно, что психическими законами контраста нельзя объяснить противоположность во вкусах людей XVII в. и современников наших. Причина противоположности во вкусах лежит, по мнению Плеханова, в общественном бытии, в том, что «мы находимся в совершенно ином положении: «Действие «начала антитеза» здесь несомненно,—умозаключает Плеханов,—но именно потому, что оно несомненно, оно наглядно показывает нам, в какой мере психологические законы могут служить ключом к объяснению истории идеологии вообще и истории искусства в частности»². Не только функционирование того или другого закона—подражания или противоречия, но даже действие одного и того же закона, в данном случае закона противоречия, определяется общественным бытием. Следовательно сам психологический закон не дает как будто никакого ключа к пониманию идеологии. Мы говорим как будто для того, чтобы оттенить необходимость правильного понимания мысли Плеханова о том, в какой мере психологические законы не дают ключа к пониманию.

И действительно, можно ли понять мысль Плеханова так, что психологические законы подражания и антитеза не имеют никакого значения, не играют никакой роли, не являются ни в какой степени ключом к пониманию. Ведь это противоречило бы не только утверждениям Плеханова о том, что подражание и противоречие объясняют многое в общественных явлениях, но и всему тому, что он говорил о психике вообще, как об особом факторе общественной жизни, действующем по своим особым законам, не могущем ввиду этого не иметь своего значения.

Поэтому мы считаем, что смысл утверждения Плеханова совсем другой, ибо Плеханов в результате своего анализа приходит к следующему выводу: «Психологическая природа человека делает то, что у него могут быть эстетические понятия и что дарвиново начало антитеза (гегелево «противоречие») играет чрезвычайно важную, до сих

¹ Т. XIV, стр. 20.

² Там же.

пор недостаточно оцененную, роль в механизме этих понятий. Но почему данный общественный человек имеет именно эти, а не другие вкусы, отчего ему нравятся именно эти, а не другие предметы, это зависит от окружающих условий»¹.

От общественных условий зависит, почему человек имеет те или другие переживания, почему действует тот, а не другой закон, почему человек переживает то или другое содержание, но то, что человек переживает, обязательно увязывается в его голове по присущим последней законам.

Мы должны различать два качественно различных момента: 1) бытие, определяющее, направляющее, приводящее в движение психологические законы, и 2) эти последние законы как свойства нашей природы, выявляемые, направляемые, определяемые и регулируемые бытием, ибо, как мы уже видели выше, законы, по которым сочетаются идеи, чувства и верования, не имеют ничего общего с приведшими их в движение внешними обстоятельствами. Эти два качественно различных явления не являются равноценными. Общественное бытие—это основная действующая сила, а законы подражания и антитеза, приводимые ею в движение, имеют второстепенное значение и не могут поэтому, т. е. как второстепенные, служить ключом к пониманию. Психологические законы подражания и антитеза не являются ключом только в смысле основной причины. Но, хотя они явление вторичное, хотя они представляют собой только второстепенное, пренебрегать ими нельзя, нельзя «недооценивать присущие человеческой природе законы подражания и противоречия», вот что говорит Плеханов. Только так можно, нужно и должно понять утверждение Плеханова о том, в какой мере психологическая механика дает ключ к пониманию, в какой мере эти законы имеют значение. Общественное бытие определяет, что и почему мы переживаем, а психические законы определяют, как они увязываются в нашей голове.

Таким образом марксизм, в частности Плеханов, одинаково чужды как переоценки так и недооценки роли и значения психической механики, психических законов.

9. Психика имеет не только свои законы, но и свою историю. Верный мысли, высказанной Энгельсом в «Л. Фейербахе», Плеханов утверждает: «До сих пор мы говорили, что раз даны производительные силы общества—даны и его структура, а следовательно, и его психология. На этом основании можно было приписать нам ту мысль, что от экономического положения данного общества можно с точностью умозаключить к складу его идей. Но это не так. Состояние умов всякого данного времени можно понять только в связи с состоянием умов предшествующей эпохи»². Другими словами новое общественное бытие не просто, не непосредственно создает новую психику и идеологию, а определяет их через посредство психики и идеологий предшествующих периодов, используя старые психику и идеологию, отра-

¹ Т. XIV, стр. 20.

² Т. VII, стр. 221.

жающие предшествующие исторические периоды и присущие другим классам. Психика имеет свою историю.

10. Из того обстоятельства, что психика представляет собой общественный фактор общественной жизни, имеющий свои особые законы и свою историю, вполне логически вытекает необходимость изучать психику. «Дело всякого исторического исследования,—говорит Плеханов,—приходится начинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономики покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем—и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи—человеческих идей, чувств, стремлений, идеалов. В руки исследователя поступает, можно сказать, мертвая материя, из его рук должен выйти полный жизни организм»¹.

Надо изучать полный жизни организм, не только его сухой остов—экономику, но и живую его плоть—социально-политические формы и самую интересную, самую увлекательную часть этой живой плоти—идеи, чувства и стремления людей, субъективную сторону нашего бытия, субъективные переживания, психику.

И Плеханов прямо призывает к изучению психики, как мы это видели в III главе.

¹ Т. VII, стр. 233—234.